

Тогда, возможно, я был травмированным Учихой Сасукэ, который вдруг поверил, что он - тот, кто не был Учихой Сасукэ несколько часов назад. Впрочем, это было похоже на феномен поппсихологической дезассоциации, который халтурный писатель использовал бы для драматической развязки на одиннадцатом часу.

Мог ли я доказать, что являюсь кем-то из другого мира, хотя бы самому себе? Это разрешило бы некоторые сомнения в моем положении.

Я долго размышлял над этим вопросом, пока не пришел к выводу, что не могу. По крайней мере, не так легко. Большую часть того, что я знал, я мог узнать еще будучи Учихой Сасукэ, хотя многое из этого было бы трудно продать. Информация, которую я не должен был знать, и грядущие события, которые я мог предсказать, не всегда были доказательством чего-либо.

Такие вещи, как запечатывание Кюуби в Наруто или то, какое испытание Какаши устроит своему отряду генинов, можно было узнать, только будучи не Учихой Сасукэ.

Или нет?

Я слишком много размышляю об этом, будучи гиперскептиком ради того, чтобы быть гиперскептиком. В глубине души я всегда был противником даже своих собственных мыслей и убеждений.

Именно поэтому я добился очень малого из того, что считал возможным. К тому времени, когда у меня появлялся полуприличный план и я был готов приступить к работе, у меня накапливалось не менее дюжины критических недостатков и проблем, доказывающих, что мне не стоит даже пытаться.

Все, чего я когда-либо добивался, на самом деле происходило вопреки моим талантам.

К черту. Если бы существовал какой-то способ доказать, что это не заблуждение, я бы нашел его где-нибудь по пути. Не то чтобы я перестал думать об этом сейчас, совсем наоборот.

Но для моей непосредственной ситуации это не имело значения. Я был не из тех, кого волнуют точные обстоятельства; что было, то было. Я был хорошим люцидным сновидцем, потому что в таких ситуациях просто плыл по течению. Не было смысла спорить с наблюдаемой реальностью, какой бы нелепой, несправедливой или маловероятной она ни казалась.

Независимо от точных обстоятельств и причин, которые до сих пор окутаны тайной, отныне я буду Учихой Сасукэ.

Куда бы я ни пошел, все ходили вокруг меня как по яйцам.

Люди держались на расстоянии, но всегда обращали на меня внимание, перешептываясь,

когда думали, что я не слышу.

Я мог сказать, что не все любили клан Учиха, но после бойни взгляды жалости преобладали над всеми остальными чувствами. Я наполовину ожидал, что в последующие дни мне удастся встретиться с кем-нибудь из высших чинов деревни, но оказалось, что я не так уж и важен в этой схеме.

Но все же достаточно важен, чтобы, несмотря на сиротство, не испытывать проблем с переездом. Вероятно, это были какие-то привилегии клана, которых я просто не знал и не понимал как следует, позволяющие им самоуправляться и говорить остальным жителям деревни, чтобы они шли на хуй, когда дело касается внутренних дел. Впрочем, Наруто был сиротой, и у него тоже было достаточно свободы, так что кто знает?

Единственный человек, который навестил меня в больнице, чтобы сообщить о происходящем, был какой-то дальний родственник, работавший на какой-то административной должности в деревне; второй или третий двоюродный брат троюродного брата моего отца. По всей видимости.

Он хотел сообщить, что никто из других Учиха не выжил и что Итачи - предполагаемый виновник расследования, но пока у них нет никаких зацепок. Что вполне логично: до сих пор я держался в стороне, был слишком взвинчен, чтобы пытаться с кем-то разговаривать. Черт, я даже не знал, убил ли Итачи всех. Я не видел этого своими глазами.

Насколько я знал, пока этот родственник не объяснил и не подтвердил мои слова, Итачи тоже не существовал как нечто иное, чем плод моего, возможно, расшатанного разума. Я не знал, радоваться мне или переживать, что почти все мои предположения оказались верными, поэтому просто молчал.

"Хн", - отвечал я в большинстве случаев, и, как и в случае с кормилицей, этот родственник корчился передо мной. Играть роль угрюмого мстителя, конечно, было легко, когда все, кто мог бы распознать его поступок, были мертвы или находились в бегах.

Он даже спокойно предложил мне пожить у него, благо наследство от клана позволит мне безбедно жить до конца жизни, причем как-то так получилось, что в его словах не было ни капли скупости.

Но...

Чего я хочу от этой жизни?

Плохой вопрос. В моей жизни никогда не было желаний, выходящих за рамки моих собственных мыслей. Я был квинтэссенцией человека, о котором предупреждали Редьярд Киплинг и Алан Уоттс: вечно думающий. Думал, думал, думал. Думать ради того, чтобы думать.

Мысли доминировали надо мной до такой степени, что реальность часто переставала иметь для меня значение.

Тогда чего бы хотел Учиха Сасукэ?

Восстановить свой клан и убить некоего человека - это я помнил отчетливо даже сейчас. Должен ли я был если не исполнить, то хотя бы частично следовать этому изначальному желанию? Заложить фундамент для этого будущего, предполагая, что в какой-то момент все вернется на круги своя?

Возможно. Но для меня это не было достаточно убедительным.

Но было что-то привлекательное в том, чтобы взять на себя исполнение этих желаний. Не мечты, а скорее, амбиции.

Принять предложение этого родственника и ничего не делать... Или стать крутым ниндзя и крушить все вокруг?

И каким бы я ни был, но, столкнувшись с этими двумя вариантами, казалось, что передо мной действительно лежит только один путь. И хотя я не боялся, но мысль о том, чтобы отказаться от борьбы и просто сбежать, казалась мне неправильной.

Назовите это волей к выживанию, волей к власти или еще как-нибудь, но в мире, изобилующем недостижимыми для меня суперспособностями, это казалось вполне очевидным выбором. Это мужская романтика. Там, где логос и этос не справляются, путь знает пафос!

Поэтому я отклонил его предложение - хотя бы из вежливости - и сообщил в деревню, что хочу стать шиноби, что он истолковал как мое желание стать подопечным Хокаге. Иначе говоря, сиротой, хотя и довольно богатой, учитывая все, что я унаследую. Видя, как мало сопротивления я встретил после этого выбора, я подозреваю, что никто не ожидал, что я выберу что-то другое, что в этом мире именно этот гражданский родственник был странным. Я наполовину ожидал, что меня заставят пройти какую-нибудь терапию или назначат подопечного, но, видимо, это были пережитки того мира, который сейчас существовал только в моих воспоминаниях.

Неудивительно, что все, кого я встречал, оказывались психами того или иного сорта. Если, конечно, я уже не был психом.

Не то чтобы я жаловался, учитывая, насколько это было удобно.

Бумаги были подписаны, а завещания скреплены печатью до моего совершеннолетия, в результате чего у меня оставалось довольно большое ежемесячное пособие, на которое можно было рассчитывать, а также ежемесячный график собраний по управлению сохранившимися

владениями и бизнесом. В данный момент я склонялся к тому, чтобы просто продать все, чтобы избежать хлопот, но пока подожду и посмотрю.

<http://tl.rulate.ru/book/104194/3653819>